

Вѣстникъ Опытной Физики

И

ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

№ 409.

Содержаніе: Рѣчь надъ гробомъ *Ө. Н. Шведова*. Проф. *А. Клоссовскаго*. — Электролитическіе іоны и электроны. Проф. *А. Рии*. — Судьбы русской математической журналистики. *Д. П. Волковскаго* — Правило пропорциональности при логарифмическихъ вычисленіяхъ. *Е. Григорьева*. — Опыты и приборы: Изъ: „Zeitschrift für den Physicalischen und Chemischen Unterricht“. (Окончаніе). *В. Лермантова*. — Задачи для учащихся, №№ 707—712 (4 сер.). — Рѣшенія задачъ, №№ 603, 609, 611, 613. — Объявленія.

РѢЧЬ

надъ гробомъ *Ө. Н. Шведова*.

Профессора *А. Клоссовскаго*.

Старѣйшій товарищъ нашъ! дорогой *Өедоръ Никифоровичъ!*

Мнѣ живо помнятся твои увлекательные рассказы о первыхъ шагахъ твоей сознательной научной работы. То было давно! То было время рѣдкаго подъема всѣхъ силъ нашей страны, время напряженной работы на пользу родины. Короче говоря, это былъ конецъ пятидесятихъ и начало шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, такъ называемая эпоха „великихъ реформъ“. Послѣ безконечнаго ряда гнетущихъ годовъ наступило пробужденіе. Севастопольскій разгромъ со всѣми его ужасами обнаружилъ наши вѣковыя язвы: беззаконіе, произволь, хищенія, невѣжество. Всѣмъ стало ясно, что такъ дальше жить нельзя: началась кипучая созидательная работа. Разорваны были цѣпи крѣпостного права; суды, печать, школа, городское и земское управленія построены были на принципѣ довѣрія къ обществу. Профессорскія и учительскія кафедры окружены были ореоломъ и влекли къ себѣ лучшія молодые силы. И въ это именно время тебя, юнаго уроженца юга, потянуло на далекій сѣверъ, въ столицу, гдѣ жизнь была горячимъ ключемъ. Ты принялъ участіе въ этой свѣтлой жизни и, соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ твоего

глубокаго и пытливаго ума, сталъ подѣ знамя науки, подѣ знамя естествознанія, въ которомъ тогда искали исцѣленія отъ всѣхъ людскихъ бѣдствій.

Но какой-то злой рокъ продолжалъ тяготѣть надъ нашей родиной. Наши весны всегда коротки. Темныя силы остановили колесо жизни, и, мало по малу, повернули его вспять. На скрижаляхъ исторіи внесены имена новыхъ искупительныхъ жертвъ! Между другими и ты отдалъ дань эпохѣ: временно ты былъ лишенъ свободы. Далѣе тучи все сгущались, жизнь замирала и вновь наступила непроглядная тьма. Но законы жизни неумолимы. Одинаковыя причины влекутъ за собою одинаковыя слѣдствія. И вотъ, спустя ровно 50 лѣтъ послѣ перваго историческаго предостереженія, наступаетъ второй, еще болѣе жестокой ударъ. Опять раздается всеобщій кличъ: „свѣта, побольше свѣта“; опять новыя жертвы...

Федоръ Никифоровичъ, по свойству своей натуры, какъ сильный индивидуалистъ, не могъ въ данный моментъ слѣдовать за всѣми изгибами нарождающейся новой жизни: для этого нужно было жить увлеченіемъ грядущаго, а онъ былъ сильный скептикъ и слишкомъ цѣльный натуралистъ. Но въ душѣ своей онъ навсегда сохранилъ надежды стараго шестидесятника. Мнѣ живо помнится, какъ еще недавно онъ, взволнованный и со слезами на глазахъ, читалъ мнѣ манифестъ 17 октября, въ которомъ видѣлъ зарю вновь зарождающагося на Руси дня. Однако, предвидѣніямъ его не суждено было осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. Впрочемъ, онъ и не претендовалъ на роль политическаго мыслителя. Центръ тяжести его работъ былъ въ наукѣ, въ служеніи университету. Нужно замѣтить, что отличительная черта дѣятелей эпохи великихъ реформъ заключается въ ихъ стойкости и вѣрности разъ избранному знамени. И до сихъ поръ въ судахъ, въ земскихъ и городскихъ управленіяхъ, на профессорскихъ и учительскихъ кафедрахъ можно встрѣтить еще этихъ ветерановъ шестидесятыхъ годовъ. Къ числу ихъ принадлежалъ Федоръ Никифоровичъ. Много лѣтъ тому назадъ онъ сталъ подѣ знамя науки и до конца своихъ дней остался вѣренъ ему. Еще за три дня до смерти онъ производилъ вычисленія, относившіяся къ его послѣдней научной работѣ. Отличительныя черты его, какъ научнаго дѣятеля—это обширная глубокая эрудиція, замѣчательная ясность мысли, научное остроуміе и оригинальность, рѣдкая наблюдательность, стремленіе къ широкимъ обобщеніямъ и сопоставленіямъ. Въ своихъ первыхъ работахъ „о значеніи непроводниковъ въ электричествѣ“ онъ уже показалъ себя мастеромъ дѣла. Много, что онъ провидѣлъ, было впоследствии подтверждено величайшими физиками. Много усилій направлено имъ на разгадку трудныхъ вопросовъ физики земнаго шара и космогоніи. Широкіе космогоническіе вопросы были его любимой темой.

Федоръ Никифоровичъ создаетъ космическую теорію града, которая даетъ сильный толчекъ изученію этого загадочнаго явленія. Онъ примѣняетъ ученіе о вихревыхъ движеніяхъ къ циклоническимъ движеніямъ атмосферы. Случайно поднявъ на улицѣ срубленный стволъ акаціи, онъ останавливаетъ свое пытлиное вниманіе на толщинѣ ежегодныхъ слоевъ древесины, сравниваетъ эту толщину съ ежегоднымъ количествомъ выпадающихъ изъ атмосферы осадковъ и открываетъ 9-лѣтній періодъ въ повторяемости дождей юга Россіи. Искусный экспериментаторъ, онъ воспроизводитъ въ лабораторіи, въ маломъ видѣ, аналогіи нѣкоторыхъ естественныхъ явленій, происходящихъ въ природѣ въ широкомъ масштабѣ.

Федоръ Никифоровичъ до послѣднихъ дней жизни не останавливается въ своемъ научномъ развитіи, не брѣжитъ противъ новыхъ теченій въ наукѣ. Благодаря своему мощному духу, онъ прогрессируетъ, можно сказать, безостановочно. Основательно ознакомившись съ какой-нибудь новой теоріей, онъ становится рьянымъ ея послѣдователемъ. Многимъ памятенъ его сообщеніе въ обществѣ естествоиспытателей объ электрическихъ волнахъ и работахъ Герца, о новѣйшей теоріи электроновъ. Мало того, въ послѣдніе дни своей жизни онъ работалъ надъ примѣненіемъ этой новой теоріи къ объясненію искревого разряда электричества.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, потрясенный тяжелымъ семейнымъ горемъ—потерей нѣжно-любимой жены,—желая заглушить нестерпимую горечь утраты, онъ ищетъ всепоглощающей работы, дѣлается, можно сказать, чернорабочимъ, и, въ результатѣ, университетъ получаетъ зданія медицинскаго факультета, физико-химическій институтъ, новую бібліотеку, особое зданіе для служительскихъ квартиръ. Къ этой же эпохѣ относится его общественная дѣятельность на пользу „бѣдныхъ и больныхъ дѣтей“, Краснаго Креста и родного города.

Словомъ, это былъ весьма крупный, изъ ряда выходящій человекъ. Съ нимъ можно было иногда не соглашаться; но нельзя было не уважать его крупныхъ талантовъ и его неотразимо-логическаго ума. Въ жизни Новороссійскаго университета онъ оставилъ глубокій слѣдъ. Говоря это, я выражаю не только мое личное мнѣніе. Три года тому назадъ совѣтъ университета выразилъ ему свою сердечную признательность въ формѣ адреса, который оканчивался слѣдующими словами:

„Дай Вамъ Богъ, глубокоуважаемый Федоръ Никифоровичъ, на многіе годы еще сохранить Вашъ мощный духъ. Онъ нуженъ всѣмъ намъ!“

Теперь мы говоримъ тебѣ: „Дорогой товарищъ, зачѣмъ оставилъ ты насъ? Ты ушелъ на заслуженный отдыхъ; но намъ не кѣмъ замѣнить тебя!“